

Байрамов Вагиф Дейрушевич

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного
гуманитарно-экономического университета

**СПЕЦИФИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА
СТРУКТУРЫ СРЕДНЕГО КЛАССА
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация:

В статье анализируются специфические особенности идентификации социального неравенства социальной структуры среднего класса в современном российском обществе. Автором выделены критерии стратификации, а также описано место среднего класса в иерархии социальных групп по доходам в зависимости от занятости в том или ином секторе экономики. Отдельно в статье представлены подходы к исследованию неравенства структуры среднего класса, применяемые учеными Института социологии РАН. Особое место отводится анализу динамики численности состава среднего класса и других социальных групп за период 2003–2010 гг.

Ключевые слова:

социально-стратификационные процессы, социальное расслоение, стратификационные критерии, социальная депривация, средний класс, структура среднего класса, иерархия.

Bairamov Vagif Deyrushevich

D.Phil. in Social Science, Professor,
Rector at Moscow State University
for Economics and the Humanities

**SPECIFICS OF
SOCIAL INEQUALITY
IDENTIFICATION OF
MIDDLE CLASS STRUCTURE
IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Summary:

The article deals with the specific features of social inequality identification of social middle class structure in the modern Russian society. The author focuses on criteria of stratification and defines the place of the middle class in the hierarchy of social groups according to the income that depends on employment in one or another economic sector. The paper also presents the research approaches to the study of the inequality of middle class structure applied by scholars of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Special attention is paid to the analysis of the size dynamics of middle class and other social groups during 2003–2010.

Keywords:

social stratification processes, social stratification, stratification criteria, social deprivation, middle class, middle class structure, hierarchy of social groups, spheres of middle class's activity.

Постепенно в отечественной социологии утверждается стратификационная парадигма изучения социального расслоения, согласно которой общество предстает в категориях многомерного, иерархически организованного социального пространства, где социальные группы и слои различаются по степени обладания собственностью, властью, уровню дохода, социальному статусу [1].

Требование учета подобной «многомерности» предполагает анализ проблем социальной дифференциации, ориентированный не только на межгрупповые, но и на внутригрупповые различия статуса индивидов. В духе концепции социальной стратификации наряду с экономическим типом социального расслоения, традиционно значимым для марксизма, рассматриваются профессиональный и властный (управляющие и управляемые) статусы, престиж (уровень образования, квалификации, профессиональной подготовки), а также степень адаптации к происходящим переменам.

На первый план в качестве дифференцирующего их признака выходит не только порожденная приватизацией и разгосударствлением экономики многоукладность отношений собственности, но и еще более обостряющаяся и углубляющаяся имущественная дифференциация, поляризирующая интересы социальных групп и принимающая в современной России запредельные размеры [2].

Подобные, казалось бы, разрозненные явления на самом деле являются разными сторонами единого процесса – социальной трансформации общества. Вот почему их важно изучать не только в отдельности, но с учетом их взаимосвязей. Возникает необходимость в социологическом анализе как принципов и оснований социального расслоения (дезинтеграции), так и реальных процессов интеграции, становления новой социальной модели современного российского социума.

Сегодня социологам доступен широкий диапазон разнообразных методов и подходов к выделению и описанию формирующихся социальную структуру общества страт, или слоев. Используя различные шкалы стратификации, указанные подходы учитывают в качестве составляющих принадлежности к той или иной страте такие критерии, как уровень образования, профессия и квалификация, отношение к собственности, власть, доход, характер внепроизводственной деятельности и другие.

Вместе с тем очевидная специфика российского социума проявляется, например, в том, что в условиях современной России уровень образования или занимаемая должность далеко не всегда являются основополагающими в определении размера дохода или социального статуса [3].

Подобное положение вынуждает отечественных исследователей предлагать иные подходы к стратификации, один из которых опирается на критерии уровня жизни и был разработан специалистами Института социологии РАН [4].

С учетом данного подхода стратификация может проводиться на базе критерия жизненных шансов в сфере потребления или так называемого индекса уровня жизни, учитывающего широкий спектр не только денежных, но и любых других доступных населению экономических ресурсов (имущественных, жилищных и т. п.), а также возможности удовлетворения групп потребностей, связанных с различными видами внепроизводственной деятельности людей (в рекреации, развлечениях, медицинской помощи, саморазвитии, общении и т. п.).

Исходной гипотезой при построении индекса выступает предположение, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у семьи есть, но и в том, чего у нее нет. Тем самым рассмотрение реального уровня жизни включает не только оценку уровня благосостояния, но и оценку уровня депривации – испытываемых лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. При этом расчет индекса производится с использованием следующих групп показателей: субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; имущественная обеспеченность; наличие недвижимости; качество жилищных условий; наличие сбережений; использование платных социальных услуг; досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами [5].

Наиболее очевидные сферы сосредоточения среднего класса в России – это следующие пять групп [6]:

- 1) массовая интеллигенция (нижние средние уровни, недостаточно устойчивы в финансовом отношении);
- 2) бюрократы (в массе – средний и нижний уровни);
- 3) сотрудники крупных компаний (верхний средний и средний средний уровни);
- 4) малый и средний бизнес в торговле и услугах (средний средний уровень с большим иммигрантским компонентом);
- 5) малый и средний производственный (инновационный) бизнес (с большими потерями в пользу эмиграции).

Следующий рисунок отражает место среднего класса в иерархии социальных групп по доходам в зависимости от занятости в том или ином секторе экономики [7].

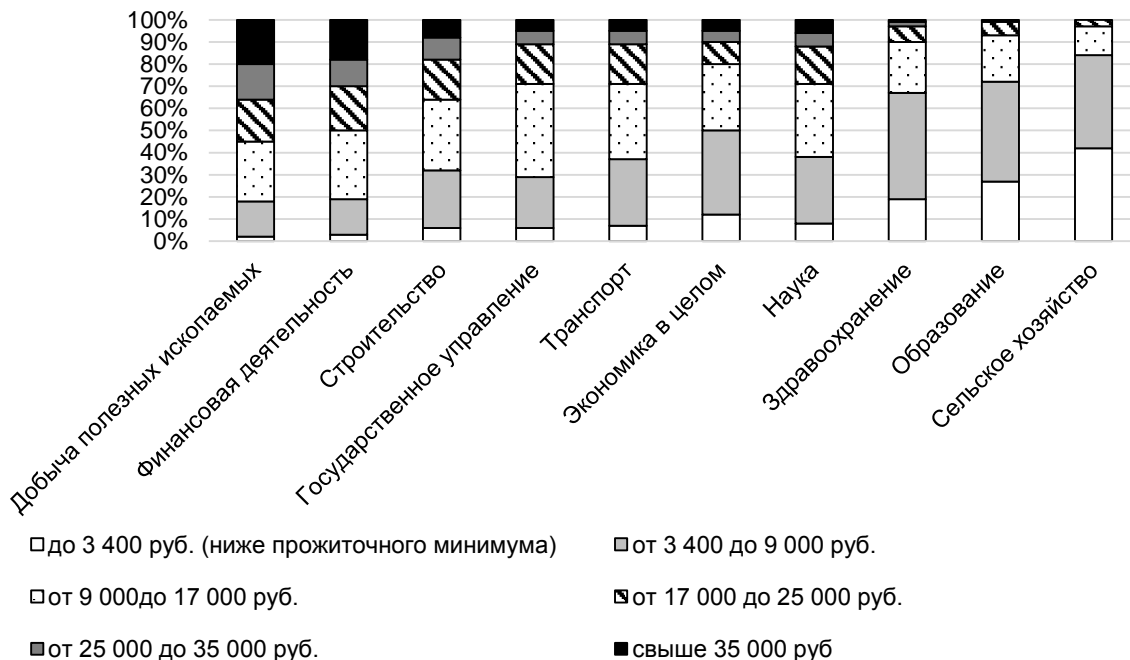

Рисунок 1 – Структура социальных групп по уровню доходов в разрезе секторов экономики

Можно считать средним классом по доходам лиц с заработной платой от 17 до 35 тыс. руб., а верхним средним – свыше 35 тыс. руб. Обратим внимание на сектора с самой высокой заработной платой. В финансовой деятельности и добыче полезных ископаемых структура населения в зависимости от заработной платы примерно одинакова. Для нее характерно следующее: население, занятое в этих отраслях, равномерно и «справедливо» распределено по уровням – очень низкая доля лиц с зарплатой ниже прожиточного минимума (нищие), мало лиц с заработной платой от 3,4 до 9 тыс. руб. (низший класс), большая доля лиц с зарплатой от 9 до 17 тыс. руб. (нижний средний класс) и от 17 до 35 тыс. руб. (средний средний класс) и не столь маленькая доля с зарплатой от 35 тыс. руб. (верхний средний класс).

В то же время в государственном управлении и обязательном социальном обеспечении – секторе, где сосредоточены чиновники – социальная структура совсем иная: значительно больше доля низшего класса и нижнего среднего и меньше доля среднего среднего, а также верхнего среднего и высшего.

В секторе научных исследований и разработок, где присутствуют часть массовой интеллигенции и производственный инновационный малый и средний бизнес, очень мало среднего среднего и верхнего среднего класса. Большая часть населения, занятая в этом секторе, который должен быть двигателем российской экономики, имеет очень низкие доходы и сосредоточена в низшем и нижнем среднем классе. В отраслях с самой низкой заработной платой – сельском хозяйстве, образовании и здравоохранении (в двух последних концентрируется большая часть массовой интеллигенции) – ситуация совсем удручающая. Здесь много бедных, а также представителей нижнего среднего класса, присутствует какая-то часть среднего среднего и почти нет верхнего среднего класса [8].

В дальнейшем на основе анализа эмпирического материала необходимо четко определить границы уровней среднего класса, в том числе в структуре по пяти группам, а также проверить совместимость границ разных групп по уровням. Уровневые границы групп среднего класса по доходам различаются, что, в частности, важно для анализа финансового поведения. Иначе говоря, нижний средний уровень у массовой интеллигенции беднее, чем нижний средний уровень сотрудников крупных компаний.

К настоящему времени так и не решена проблема отделения верхней границы среднего класса от высшего. Известные нам исследования при изучении структуры общества и среднего класса, как правило, оставляют в стороне высший класс, ссылаясь на труднодоступность его представителей для социологического исследования.

Исследованием структуры среднего класса также занимаются ученые Института социологии РАН, опираясь на следующие критерии его выделения:

- критерий нефизического характера труда;
- наличие как минимум среднего специального образования;
- показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа населения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом;
- интегральная самооценка индивидом своего положения в обществе по 10-балльной шкале не ниже 5 баллов включительно.

Для неработающего населения принадлежность к среднему классу определяется на основе трех из четырех перечисленных выше критериев (не учитывается профессиональный статус). Эмпирическая проверка показала, что выделенные таким образом представители неработающего населения, оказавшиеся в среднем классе, были связаны со структурными позициями, характерными для среднего класса, – занимали их ранее или, по всей вероятности, займут их в будущем (пенсионеры с высшим образованием, студенты из образованных семей и т. п.).

Применение четырех вышеописанных критериев к данным эмпирических исследований показывает, что в 2008 г. (то есть в благополучный период развития ситуации в стране до начала экономического кризиса) к среднему классу могла быть отнесена треть (34 %) населения России. Эта доля достаточно велика, но нужно учитывать, что средний класс является неоднородным по своей структуре [9]. В нем можно выделить устойчивое ядро, в котором ярко проявляются признаки, свойственные среднему классу, а также ближнюю периферию, в которой эти признаки постепенно ослабевают [10]. При этом выделяется дальняя периферия и остальное население, которые не включаются в состав среднего класса.

Для дифференциации среднего класса на ядро и ближнюю периферию использованы два базовых признака, отражающих специфику структурных позиций среднего класса, – социально-профессиональный статус и уровень образования. К ядру среднего класса отнесены имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты, имеющие навыки работы

на компьютере. В ближнюю периферию ядра среднего класса включались остальные представители выделенного по четырем критериям среднего класса – самозанятые, занятые в торговле и рядовые служащие со средним специальным образованием; группы с рассогласованием их профессиональной позиции и уровня образования (например, руководители со средним специальным образованием, рядовые служащие с высшим образованием), а также имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты, не обладающие навыками работы на компьютере. Кроме того, сюда же попадали неработающие представители среднего класса.

В дальнюю периферию среднего класса, не входящую в его состав, включались те россияне, которые не соответствуют одному из критериев, за исключением социально-профессионального статуса, то есть те, кто не проходит в состав среднего класса либо по уровню образования, либо по благосостоянию, либо по самоидентификации. В остальном населении оказались те, кто не может быть отнесен к среднему классу по социально-профессиональному статусу, а также те, кто, обладая соответствующим среднему классу уровнем образования и социально-профессиональным статусом, не проходит в него по обоим дополнительным критериям – как по уровню благосостояния, так и по самоидентификации. Эта наиболее общая характеристика структуры среднего класса выбрана для анализа его места в социальной структуре общества.

Динамика численности состава среднего класса и других социальных групп за период 2003–2010 гг. представлена на рисунке 2.

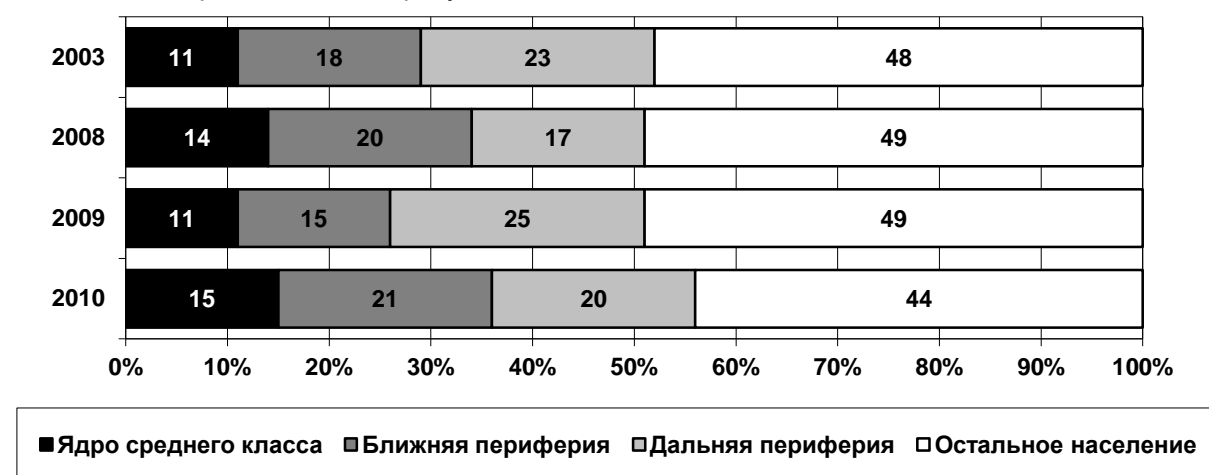

Рисунок 2 – Динамика численности различных социальных групп в 2003–2010 гг. (%)

Данные показывают, что численность среднего класса значительно увеличилась за период экономического роста, предшествовавшего кризису. Так, в 2003 г. доля среднего класса составляла 29 %, в 2008 г. – 34 %. Однако кризис 2009 г. нарушил тенденцию роста численности среднего класса. К весне 2009 г. доля среднего класса в населении в целом сократилась с трети до четверти (26 %), доля же среднего класса в составе экономически активного городского населения сократилась с более чем 40 до 30 %. За последний год, однако, численность среднего класса вновь возросла до более чем трети (36 %), вернувшись к ситуации 2008 г.

Подобная динамика свидетельствует о том, что процесс формирования российского среднего класса еще продолжается. Часть представителей периферии среднего класса то входит в его состав, оказываясь в ближней периферии, то выпадает из него, переходя в дальнюю периферию. При этом колебания численности среднего класса в 2008–2010 гг. были связаны прежде всего с тем, что в кризисный 2009 г. у россиян резко упала самооценка своего положения в обществе, и именно этот критерий стал основным препятствием для их вхождения в средний класс (при этом до кризиса, в 2008 г., 60 % тех, кто не попал в состав среднего класса, характеризовался неподходящим социально-профессиональным статусом; в 2010 г. этот признак вновь стал лидирующей причиной непопадания населения в средний класс). Таким образом, ситуационное падение самооценки в результате кризиса, отражающее в том числе некоторую нестабильность и неустойчивость положения периферийной части среднего класса на рынке труда, сказавшееся и на снижении его численности, является отражением того факта, что на современном этапе развития средний класс в России гетерогенен, границы его пока являются нежесткими и подвержены изменениям, связанным с изменениями внешних условий [11]. Подобная гетерогенность среднего класса связана в том числе с различиями в условиях социализации представителей различных его подгрупп.

Ссылки:

1. Алексеенок А.А. Структура среднего класса в современном российском обществе: специфика идентификации и пути оптимизации. Орел, 2014. 280 с.
2. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24–47.
3. Горшков М.К. Общественное мнение: историко-социологический аспект анализа. М., 2011.
4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М., 2011. С. 187.
5. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2009.
6. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М., 2009. 148 с.
7. Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // Мониторинг общественного мнения. № 3 (97). 2010. Май – июнь.
8. Аналитический доклад «Городской средний класс в современной России». М., 2006.
9. Жуков В.И., Локосов В.В., Осипов Г.В. Социология трансформаций России в меняющемся мире. М., 2005.
10. Балабанова Е.Г. Средний класс как объект исследований российских социологов // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 50–55.
11. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

References:

1. Alekseenok, AA 2014, The structure of the middle class in Russian society: specificity and identification of ways to optimize. Orel, 280 p.
2. Gorshkov, MK 2010, 'Social inequality as a challenge to modern Russia', *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 1, p. 24-47.
3. Gorshkov, MK 2011a, *Public opinion: historical and sociological aspect of the analysis*, Moscow.
4. Gorshkov, MK 2011b, *Russian society is what it is: (a sociological diagnosis experience)*, Moscow, p. 187.
5. Gorshkov, MK, Krumm, R & Tikhonova, NE (ed.) 2009, *Russian Everyday Life in crisis*, Moscow.
6. *Russia's middle class: an analysis of the structure and financial behavior* 2009, Moscow, 148 p.
7. Belyaeva, LA 2010, 'Russia and Europe: population structure and social inequality', *Monitoring of public opinion*, no. 3 (97), May – June.
8. *Analytical report "urban middle class in Russia today"* 2006, Moscow.
9. Zhukov, VI, Lokosov, VV & Osipov, GV 2005, *Sociology of Russia's transformation in a changing world*, Moscow.
10. Balabanova, EG 2008, 'The middle class as an object of study Russian sociologists', *Social Sciences and Modernity*, no. 1, p. 50-55.
11. Zaslavskaya, TI & Yadov, VA 2008, 'Social transformation in Russia in the era of global change', *Sociological Journal*, no. 4. p. 8-22.